

Линь Юй собирался полежать на полу лишь несколько минут, но тело оказалось до того изможденным и тяжелым, что сознание, поборовшись совсем недолго, сдалось. Он обхватил колени руками и уснул прямо на холодном полу.

Спустя несколько часов он пришел в себя, но лучше не стало: тело казалось еще тяжелее, а внутри разливался жар. Полуприкрыв глаза, Линь Юй в полубытьи подумал, что, похоже, подхватил лихорадку. Усталость и высокая температура путали мысли.

Пока он размышлял, как бы поприличнее покинуть этот кабинет, дверь с тихим скрипом отворилась. Господин Председатель, полный бодрости и уверенности, вошел в комнату. Взглянув на лежащего на полу Линь Юя, он небрежным тоном произнес:

— Линь Юй, почему ты до сих пор не ушел? Хочешь остаться ночевать в моем кабинете?

Услышав это, Линь Юй почувствовал вспышку раздражения. Что значит не хочет уходить? Да у него просто сил нет пошевелиться!

Он зашевелил губами, пытаясь что-то ответить, но какой в этом смысл? Этот человек совершенно к нему равнодушен. Жаловаться или капризничать — лишь множить неприятности. Подумав об этом, Линь Юй почувствовал такую горечь, что просто повернулся к Цзи Цинтяню спиной, решив его игнорировать.

Цзи Цинтяню эта маленькая вещица показалась весьма забавной: злится — молчит, плохо себя чувствует — старается спрятаться подальше.

Он наклонился и поднял Линь Юя на руки. Ой, стоило коснуться его лба, как ладонь обожгло жаром.

Выходит, это он довел его до лихорадки.

Цзи Цинтянь ощутил легкое раскаяние из-за своей недавней несдержанности, но благородный альфа никогда не извиняется. Тем более что этот маленький упрямец его полностью игнорирует.

Тогда Цзи Цинтянь намеренно прошептал ему на ухо:

— Линь Юй, как ты себя чувствуешь? М?

Из-за болезни и накопившейся обиды Линь Юй не пожелал отвечать.

Но следующая фраза Цзи Цинтяня заставила его одновременно разозлиться и почувствовать себя глубоко несчастным:

— Не хочешь говорить? Я слышал, что во время болезни это занятие приносит еще больше ощущений.

Линь Юй затрепетал в его руках, пытаясь вырваться, и с горечью прошептал:

— Я тоже человек, а не какая-то неодушевленная вещь. Мне тоже бывает больно, мне бывает плохо. Ты мой альфа, почему ты не можешь относиться ко мне как к человеку?

Стоило ему заговорить, как из глаз брызнули слезы, намочив рубашку Цзи Цинтяня.

Цзи Цинтянь вздохнул:

— Я просто хотел, чтобы ты поговорил со мной. Раз тебе нехорошо, я ничего не буду делать. Успокойся.

Услышав это, Линь Юй наконец выдохнул. Он перестал сопротивляться и, окончательно обессилив, провалился в забытие прямо в объятиях Цзи Цинтяня.

В темных снах он вспоминал своих погибших родителей, думал о своей несчастной семейной жизни и горько плакал. Сквозь туман он слышал:

— Только что ввел лекарство, чего опять плачешь? Муж обнимает, не плачь, не плачь.

Затем он почувствовал, как его прижимают к крепкой груди. Знакомый запах феромонов альфы успокоил его, а нежные слова, звучавшие у самого уха, помогли прийти в себя.

Он хотел было уснуть, но, немного подумав, пробормотал:

— Юй-Юй больше всего на свете любит мужа. Даже если мне больно, я все равно люблю тебя, больше всего на свете люблю своего мужа.

— Поэтому, человек, которого я люблю больше всех, пожалуйста, не причиняй мне такой боли. Мне так тяжело, так больно, кажется, что сердце сейчас разорвется.

Тело было настолько измучено, что, договорив, он мгновенно погрузился в глубокий сон.

Он не видел, как мужчина, услышав эти слова, тихо усмехнулся и впервые в жизни нежно поцеловал его в щеку.